

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

ДЛЯ ТЕХ,
КТО СЕРДЦЕМ ОЩУЩАЕТ СЕРДЦЕ

КУПАЛОВСКИЕ РОЩИ

Словно застыли
деревьев макушки.
Солнце свой делает
круг по привычке.
У Радошкович
кукуют кукушки,
сонное эхо
везут электрички.

Горы с пригорками
в лёгком тумане.
Речка-быстрянка
неслышно струится.
Ельник
отечески-нежно,
на камень,
огненно-рыжую
сыплет иглицу.

ПАШКОВ Геннадий Петрович родился в 1948 г. в Чашникском районе Витебской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живёт в Минске.

Тропка босая.
Трипутник примятый.
Мост не свои
вспоминает причалы.
Тенью завешена,
милая хата
так синеглазо
меня повстречала.

Стая форели
почти безустанно
в глади зеркальной
без всякой заминки
все собирает
волшебную тайну —
ночью упавшие
бусы-слезинки.
Сколько те рощи
над тихой криницей,
словно небес
дорогие дары,
перелистали
листов разнолицых
от зелени майской
до белой поры!

И не искали
работы попроще...
Рыжая осень
нам в дверь постучала.
...Только кукушки
в купаловских рощах
вечность пророчат
Песням
Купалы.

В РОДНЫХ МЕСТАХ ПИСАТЕЛЯ САУЛИЧА

Я вхожу неслышно
в чудо-сказку бора,
и по тропке узенькой
хочется пройти.
А вокруг Глубокого —
глубина озерная,
и глубин вот таких
больше не найти.

А подует ветер —
хахаль одинокий —
и взметнутся птицы
стаю крутой.
Может, это солнце
плещется в затоке
иль на леске окунь
бьется золотой?

Посмотри — повсюду
красота и сила!

Мест родных названья —
их не сосчитать! —
Мнюта...
Плиса...
Свила...
Свилаца...
Подсвилье...
Так они чаруют,
что не передать!
Глубочанин, чувствуешь
ты свои просторы
и улыбкой светишься
на своем пути.
Тихие деревни,
синие озера...
И глубинки глубже,
право, не найти.

* * *

“Любимый мой...”
Не надо слов таких.
От чувств былых
осталось только эхо.
Зачем, скажи,
ты вновь роняешь их,
какого ради горестного смеха?

“Любимый мой...”
Прошу — молчи...
Молчи!..
“Любимый мой...”
Жестокая какая!
Глаза целую — карие лучи, —
капельки слёз почти не замечая.

“Любимый мой...
Вернуть бы вспять года...”
Прошу тебя,
пожалуйста, не надо.
“Смотри, для нас сегодня,
как тогда, —
и тишина,
и неба звездопады;
и схлынут тучи,
словно миражи,
дождинки нам
своё сыграют скерцо!..”
Но не для нас.
“А для кого, скажи?!”
Для тех, кто сердцем
ощущает сердце...

Трепещут искры.
Догорает вечер.
Придёт рассвет,
остудит блажь и сны.
Прозрачной ватой
падает на плечи
последний снег
нахлынувшей весны.

КОСТЁР

Трещат упрямые поленья,
свивая огненный клубок,
и легким маревом
забвенья
струится с искрами дымок,
как будто жизнь тайком,
украдкой
сквозь пальцы
истово течёт
и только привкусом несладким
полынно губы опечёт.
А ты
осеннюю порою
там, где печалится река,
смиряешь пламя костровое,
как будто юркого щенка,
и только чувствуешь, хоть кротко,
как под спасительным огнём
твоё все тело,
словно соты,
вдруг наполняется теплом,
и понимаешь ты, конечно:
чтоб счастья
выстроить шатёр,
не нужно много —
день и небо,
и — для общения — костёр.

*Перевод с белорусского
Миколы Шабовича.*